

* * *

«Калмык» ли к нам пришёл из сальской степи,
дохнул горячим воздухом. Жара!
И музыканты, бросив оземь кепки,
танцуют у Гостиного Двора.
Чуть дальше у Казанского собора
читают рэп и, славою увит,
речитатив колонн коринфских взору
о ритмах Петербурга говорит.
Подъяли сцену «Книжные аллеи».
Витийствуют поэты в молоко.
А там уж новый парусник алеет,
гимнасты облачаются в трико.
Квадрига Ники бешенная взвита,
петровский конь неудержимо взвита, –
вот-вот прошьют белёсой ночи свиток,
наполнив, город музыкой копыт.

* * *

Куда пути-дороги заманили?!
Живительную злобу не унять:
высаживаю племя белых лилий,
высаживаю белых яблонь рать.
Я запускаю в почву пальцы-корни.
Я прирастаю сердцем к целине.

Она очистит кровь мою от скорби,
укореняясь радостью во мне.
Приходит ночь беззвёздная, глухая,
и вижу я, что всё напрасный труд,
но слышу вдруг: цветы благоухают,
и слышу: яблонь саженцы растут.

* * *

Шокировать публику, выйдя в трико,
с павлиньим пером на уродливой шляпе.
Бесплодному времени в помощь ЭКО,
и тест на айкью – расшалившейся бабе.
Хот-дог на хот-дог, сверху пива рожок.
И сыто, и пьяно безумие века.
Не дьявол, не чёрт – ясноглазый божок
сосёт из бутылочки тёмное млеко.
Что Оссу в поту громоздить на Олимп,
слова перетряхивать снова и снова.
Так что же выходит? Душа-то болит!
Душа-то больная, а, значит, и слово.
Поэзия в ризах воздушных шелков
стоит чужестранкой в квасном балагане,
и всякий шелка её сдёрнуть готов,
чтоб бурю поднять в запотевшем стакане.

* * *

С камнем в тяжбе пенится Нева.
Буйную, в гранит одеть её посмели!
И она, что чёрная вдова,
мрачно смотрит на фантазии Растрелли –
завитушки Зимнего дворца.
Крыша в патине и пробу негде ставить.
И богов покрыла зеленца,
замерших у края, риферам на зависть.
Не испуг позеленил – недуг.
Безрассудство в наших генах образцово.
Ангел крест не выпустит из рук,
осаждённый праздной скукою дворцовой.
Ливни лупят город вкривь и вкось.
Снег ложится в ожидании чего-то.
Некогда пространство облеклось
в латы царские, смирившего болото.
Там, внизу, живучее оно,
заточённое, сидит в постылой яме
и, мечтая прорубить окно,
точит город мой носящий имя – Камень.

* * *

А ночь была темна, как чёрная дыра,
и тишина – томительно глубокой.
И вдруг явился звук – зуденье комара,
и следом свет моих коснулся окон.
За светом вспыхнул цвет. Полоской огневой
вставал рассвет над кромкой дальней рощи.
Так день входил в мой дом с улыбкой заревой.
Нет ничего обыденней и проще.
Пропел петух своё и где-то вдалеке
собачий брех рассыпался над стынью.
Я вслушивалась в жизнь, а на моей руке
сидел комар и упивался жизнью.

* * *

Не апокалипсис, конечно.
Всего лишь отключили свет.
Всего один щелчок, и нет
цивилизации беспечной.
Она, понятно, не погибла.
Всё пустяки и сущий вздор.
Всего лишь твой компьютер сдох.
И тьма густая, как повидло,
вмиг поглотила нас живьём.
А мы начала света ждём,
в потёмках чёрный кофе пьём
и верим в чудо – божьи дети.